

Н. Н. Летина

**Пограничность индивидуального и коллективного
в культурном опыте творческой личности: К. Павлова, А. Блок, М. Врубель**

Выполнено в рамках работы по гранту РГНФ № 15–03–00655
«Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры»

В статье анализируется проблема пограничности индивидуального и коллективного культурного опыта творческой личности в контексте социальных и нравственных коллизий, противоречий и трансформаций. Культурный опыт и судьбы репрезентативных творцов начала XIX в. (К. Павловой) и рубежа XIX–XX вв. (М. Врубеля, А. Блока) осмыслены в одном ряду в качестве коррелятивного предмета культур-философского и культур-антропологического дискурсов пограничности бытия творческой личности. Обосновано, что при различии социокультурной ситуации и персонального опыта в духовно-нравственном и эстетическом плане К. Павлова, М. Врубель и А. Блок отдают предпочтение взаимности и индивидуальному опыту. Вектор социально-духовных запросов художников оказывается направлен не по горизонтали коллективной социализации, а по вертикали мистического опыта; у К. Павловой социальная драма творца компенсируется синкретичным слиянием со вселенной. Онтологическое измерение органичной для К. Павловой, А. Блока, М. Врубеля пограничности индивидуального и коллективного определено в качестве доминантного.

Ключевые слова: пограничность, творческая личность, индивидуальное, коллективное, русская культура начала XIX в., русская культура рубежа XIX–XX вв., культурный опыт, К. Павлова, А. Блок, М. Врубель.

N. N. Liotina

**Frontier of Individual and Collective in Cultural Experience
of the Creative Person: K. Pavlova, A. Blok, M. Vrubel**

In the article the problem of frontier of individual and collective cultural experience of the creative person in the context of social and moral collisions, contradictions and transformations is analyzed. Cultural experience and fate of representative creators in the beginning of the 19th century (K. Pavlova) and at the turn of the 19–20th centuries (M. Vrubel, A. Blok) are comprehended in the same row as a correlative subject of culture-philosophical and culture-anthropological discourse of frontier of the creative person's life. It is proved that distincting the sociocultural situation and personal experience, K. Pavlova, M. Vrubel and A. Blok give preference in the spiritual and moral and aesthetic plan to reciprocity and individual experience. The vector of artists' social spiritual needs is directed not across collective socialization, but down mystical experience; in K. Pavlova's works the creator's social drama is compensated by syncretic merge to the Universe. Ontologic measurement organic for To. Pavlova, A. Blok, M. Vrubel of frontier of individual and collective it is defined as prepotent.

Keywords: frontier, creative person, individual, collective, Russian culture of the beginning of the 19th century, Russian culture at the turn of the 19–20th centuries; cultural experience, K. Pavlova, A. Blok, M. Vrubel.

Одним из значимых теоретико-методологических аспектов изучения проблемы пограничности является исследование органичности индивидуального и коллективного культурного опыта творческой личности в контексте социальных и нравственных коллизий, противоречий и трансформаций. Логика предлагаемого интегративного осмысления культурного опыта К. Павловой, А. Блока, М. Врубеля инспирирована общим культур-философским и культур-антропологическим дискурсом пограничности бытия творческой личности; детерминирующим характером культурного контекста; индивидуальностью личностных интенций репрезентативных для русской культуры творческих личностей. Соответственно указанным принципам культур-

ный опыт и судьбы репрезентативных творцов начала XIX в. (К. Павловой) и рубежа XIX–XX вв. (М. Врубеля, А. Блока) представлены в одном ряду в качестве коррелятивного предмета рефлексии.

Исходный импульс пограничности индивидуального и коллективного опыта К. Павловой – *гендерный*. Несмотря на то, что в период рубежа XVIII–XIX вв. женское творчество уже получило право на существование в контексте романтической дворянской культуры в виде «женской литературы», его социокультурный статус остался маргинальным по отношению к творчеству мужчин. Это, безусловно, повлияло на проблематизм самосознания русских художниц слова: сложился комплекс «женщины-поэтессы». И в то же время

образовался круг «образцовых» авторов (А. П. Бунина, Е. П. Ростопчина, З. А. Волконская, К. К. Павлова, Е. А. Ган, М. С. Жукова, А. В. Зражевская, Н. А. Дурова, Ю. В. Жадовская и др.), ставший своеобразным женским аналогом «поэтическому братству». Но хотя «в душе гениальной есть братство святое» (Е. П. Ростопчина), говорить о высокой степени единства, мощном корпоративном духе «сестер по перу» не приходится: слишком сложны были личные отношения приязни-неприязни среди «избранных и удостоенных» дам. Однако генетически и типологически женское творчество образовывало целостный феномен. В его рамках отчетливо проявилась двойственная *тенденция сотрудничества-соперничества*, как в оценках современников, титуловавших «нашей Сафо» то А. П. Бунину, то Е. П. Ростопчину, «новой Коринной» то З. А. Волконскую, то К. К. Павлову, так и в самосознании пишущих дам.

Уникальные художественные миры женщин-авторов имели *общее контекстуально детерминированное моделирующее начало – романтизм как тип мировосприятия и тип творчества*. Общим моментом являлись структурирующие факторы: хроника внутренней жизни лирической героини, женское начало, романтическая образность. В результате значительным импульсом пограничности индивидуального и коллективного стала *апологетика субъективного личностного начала*, присущая романтической ментальной модели. Растущая численность «женского» круга авторов усиливала дух агональности не только по отношению к мужчинам, но и друг к другу. В этом смысле типично напряженное отношение К. Павловой к Е. Ростопчиной (К. Павлова, с ее аналитико-социальными претензиями, неоднократно обвиняла «сует рабыню» Е. Ростопчину в растрачивании своего дара в светской жизни).

Основные поводы для актуализации пограничности индивидуального и коллективного в культурном опыте К. Павловой следующие: *провинциальность* (Ярославль, Москва); корни – немецкие (урожд. Яниш); социальная биографически обусловленная *причастность к научным и масонским кругам*; *женская привлекательность*, определяемая количеством и персональной принадлежностью «разбитых мужских сердец»; *романтически несчастливая женская судьба* (неудачный брак, разлука с возлюбленным).

Важнейшим аспектом самосознания К. Павловой было *художественное творчество*.

Его истоки для себя она определяла как романтизм в его вершинных проявлениях («слава Байрона», «Пушкина... стих»). Реальные истоки ее творчества богаче, они соотносятся с просвещенческим и сентименталистско-романтическим ментальным и художественным комплексами германского и французского происхождения, а также с актуальным культурным контекстом. К. Павлова называла главные составляющие своего творческого процесса – вдохновение и «святое ремесло». Несколько «школярский» характер поэзии К. Павловой отмечали и современники. Так, характер творческого процесса К. Павловой оказывается амбивалентен, его можно посредством пушкинской образности соотнести как с опытом Сальери, так и с моцартианским вариантом. Показателен и количественный аспект: после смерти К. К. Павловой у родственников остались «два сундука» поэтического наследия, из которого опубликовано всего два тома.

Особую роль в судьбе и самосознании К. Павловой играет «встреча с Поэтом» (генетически восходит к встрече Данте и Вергилия, непосредственно – к встрече лицейцев и Г. Р. Державина). Этот момент благословения Поэтом, значимый для романтической литературы, включает и легитимацию творчества, и признание «своими», избранными и удостоенными поэтического дара. В этой ситуации важны имена «священных авторитетов», поскольку и в рамках «святого братства» существует иерархия. Среди наиболее существенных «встреч» К. К. Павловой – А. Мицкевич (несостоявшийся муж), Н. М. Языков (собрат по перу), М. Ю. Лермонтов (посетитель салона – перед отъездом на Кавказ он нанес последний визит в Москве именно К. К. Павловой), И.-В. Гете (благословивший на публикацию переводов). К. Павлову «благословляет» на оригинальное творчество Е. А. Баратынский (письма, стихи-посвящения, сравним: Е. Ростопчину – А. Пушкин). Тем не менее через два года после смерти А. С. Пушкина в стихотворении «Поэт» именно К. К. Павлова, несомненно, имея в виду и пушкинские манифестальные утверждения высокого статуса поэта, и его художественный опыт, определит центральное место творца в мироздании: «Он вселенной гость, ему всюду пир, / Всюду край чудес; / Ему дан в удел весь подлунный мир, / Весь объем небес; / Все живет его, ему все кругом / Для мечты магнит: / Зажурчит ручей – вот и в хор с ручьем / Его стих журчит; / Заревет ли лес при борьбе с грозой, / Как серди-

тый тигр, – / Ему бури вой – лишь предмет живой / Сладкозвучных игр» [5].

На рубеже XIX–XX вв. отношение к К. К. Павловой изменится – именно она станет наиболее востребованной в плане социокультурной и художественной рецепции поэтессой «Золотого века». Продолжится и заданная ею женская дуэль в борьбе за место в поэзии и в ряду наследниц Пушкина, ее впоследствии актуализируют в наиболее концентрированном плане М. И. Цветаева и А. А. Ахматова.

Творцам рубежа XIX–XX вв. исходное цельное состояние бытия представляется утраченным. Современный распад социума в их сознании – серьезное испытание человечества, рассеяние их собственного «мира искусства» и «мира художников» – драматическая коллизия, требующая преодоления. Обратимся к опыту осознания А. Блоком и М. Врубелем возможностей преодоления социального распада духовно-эстетическими силами.

Имманентную ущербность жизни современного человечества поэт А. Блок видит в общей утрате цельности, приведшей и к разобщенности людей и к разобщенности культур. «Многообразие явлений жизни Западной Европы XIX в. не скроет от историка культуры, а напротив, подчеркнет для него особую черту всей европейской цивилизации, ее *нецелостность*, ее раздробленность. Просвещенное человечество пошло сразу сотней путей – политических, правовых, научных, художественных, философских, этических; каждый из этих путей все более удаляется от другого ... каждый из них, в свою очередь, разбивался на сотни маленьких дорожек, уводящих в разные стороны, разлучающих людей, которые при встречах начали уже чувствовать друг в друге врагов» [3, 4, с. 337]. Блок вербально, Врубель – живописными средствами (демонические образы) эксплицируют главный симптом утраты цельности в социальном разрезе. Это *апологетика индивидуализма*, получившая, в отличие от культурной ситуации К. Павловой, в конце XIX в. иную, негативную оценку.

Индивидуализм был осознан знаком ущербности и внутреннего мира художника. Блок фактически не делал различия между разобщенностью межличностной и внутриличностной: «Да, среди нас нет согласия. Не только между отдельными людьми, но и в каждой отдельной душе выросли преграды, которые нужно рушить во имя цельности и единства» [3, 4, с. 76]. Показательно, что поэт не употребляет слова «лич-

ность», адекватного контексту высказывания, предпочитая слово «отдельная душа». Воплощенность личности была проблемой для самосознания Врубеля и Блока. Они оба не ощущали себя цельными личностями, тяготились своей внутренней противоречивостью [4, с. 79; 1, с. 362]. О Блоке как недовоплотившейся личности писали современники (З. Н. Гиппиус, В. Ф. Ходасевич). Н. А. Бердяев ретроспективно утверждает «безличность» типичным качеством художников-символистов, неоромантиков, которые, по его мнению, «имели яркую индивидуальность, но у них была слабо выраженная личность ... упадочные элементы русского ренессанса разлагали личность» [2, с. 140].

Так, в сознании Врубеля и Блока присутствует осмысление индивидуализма как истока нецельности, разобщенности людей как во внешнем измерении (человечество), так и во внутреннем («отдельная душа»).

Спасения от индивидуализма М. Врубель и А. Блок искали, с одной стороны, в *вертикальном движении, всеединстве* как прорыве к сверх-, наиндивидуальным началам. Художники обращались к мистическому опыту, онтологическому слиянию своей телесной оболочки с духовной сущностью инобытия, в результате которого они надеялись обрести чаемую полноту «всеединого» цельного бытия, в том числе – личностного. Этот прорыв мог и формально осуществляться коллективно. С другой стороны, этот принцип мистического слияния экстраполировался и на отношения с онтологически равными «сущностями» – избранными представителями этого мира, в духовном единении с которыми художники также надеялись преодолеть ущербность индивидуального бытия. Таким образом преодоление индивидуализма осуществлялось и в *горизонтальной проекции – посредством организации особых (всеединых) межиндивидуальных отношений*. На эту двувекторность самосознания художника рубежа веков обращает внимание Д. В. Сарабьянов: «... в поисках самообретения, в процессе становления и бытия личность соразмеряет себя не только с высшими категориями, но и с равными» [6, с. 137]. В таком контексте мысль Блока относительно преодоления индивидуализма посредством социализации («Религиозные искания» и народ», «О театре», «Вечера искусств», «Народ и интеллигенция», «Ответ Мережковскому», «Интеллигенция и Революция», «Что сейчас делать», «Крушение гуманизма» и др.) выглядит закономерной.

Поиск способов преодоления межчеловеческого отчуждения, способов возрождения цельности и в вертикальном (человек – Бог), и в горизонтальном (человек – человек) ракурсе оказывался, таким образом, насущной задачей творчества, от скорейшего решения которой зависели личностные судьбы художников, судьбы человечества и мира. *Всеединое человечество как целостный организм, единая одухотворенная богочеловеческая* (в перспективе) *«симфоническая личность»*, собравшая некогда разобщенных индивидуализмом людей, явилось, в сознании символиста Блока, *идеальной формой будущего всеединства*.

Художники-символисты (А. Белый, А. А. Блок, Вяч. И. Иванов), с одной стороны, теоретически осознавали утопичность идеала всеединства; полное его осуществление в сознании Блока, например, откладывается на неопределенное будущее: «*Может быть, на высотах будущей трагедии новая душа познает единство...*» [3, 4, с. 57]. Однако, с другой стороны, в индивидуальном социокультурном опыте Врубель и Блок не довольствовались идеалом всеединства исключительно как условной эсхатологической перспективой, они *стремились практически приблизить* его временную реализацию, воплотить здесь и сейчас. Эту жизнетворческую жажду скорейшего воплощения обетований замечает за собой А. А. Блок: «*Мы действительно люди земли, ибо веруем, что Тысячелетнее Царствие наше будет не за гробом, не на небе, а на земле... Все наши воздыхания можно смело свести на краткую молитву: «Да приидет Царствие Твое, как на небе, так и на земле»* [3, 4, с. 122]. *Средством воплощения всеединого идеала «на земле», по Блоку, должно стать символистское искусство.*

Помимо «орудийности» символистскому искусству в деле воплощения всеединства предписывается и *прообразовательная задача*. Символистское искусство призвано преодолеть все формы и виды отчуждения. Оно обязано присвоить себе миссию земной Церкви – прообраза Града Божьего, по выражению бл. Августина, то есть стать *формой* максимального духовного единения людей (творцов; человечества вообще), *символом, прообразом и «становящимся телом» будущего всеединства.*

Социальная сфера, в сознании культурной элиты рубежа веков, не могла стать оплотом всеединства, единение людей могло быть достигнуто только *в творчестве, искусстве*, которое воспринимается как *новая форма эстетической кол-*

лективизации. Символистское искусство призвано объединить не только своих адептов – художников-символистов, не только оформить замкнутый элитарный «мир искусства». Искусство призвано, в конечном счете, преодолеть «социальную» узость эзотеризма, преодолеть дистанцию между художником и зрителем, читателем, слушателем, нехудожническим человечеством, привлекая и вовлекая его в сферу эстетического символистского универсума силами искусства. Именно такой видится социальная задача искусства Вяч. И. Иванову, А. Белому. А. Блок также декларирует данную идею: «*Мы видим лица, все еще пугливые и обособленные, но на них уже написано страстное желание найти на чужих лицах ответ, слиться с другою душой, не теряя ни единого кристалла своей. Все мы оживаем, приветствуем свою обновленную плоть и свой пробуждающийся лик*» [3, 4, с. 37]. Именно в сфере творчества художники рубежа веков искали преодоления творческого и жизненного индивидуализма, космического и мирового отчуждения.

Востребованная Врубелем и Блоком парадигма духовного всеединства как новая форма эстетического коллективизма эзотерического круга творческой элиты и дальнейшая ступень социализации искусства реализуется в их опыте посредством актуализации следующих форм: «символистское келейное искусство» (религиозно-философские; творческие (художественные); бюрократические, государственные собрания и объединения), «мистическое сектантство» («братство», «род» и «семья», «брак»).

Задача всеединства в сознании и практиках М. Врубеля и А. Блока оказывается в горизонтальном разрезе бытия недостижимой. Формально М. Врубель и А. А. Блок оказываются задействованы в различных видах символистского «кейного общения»: творческих кружках и объединениях (Врубель и Блок), религиозно-философских собраниях (Блок), государственных учреждениях (Блок), однако и тот, и другой ощущают внутреннюю неудовлетворенность этими формами. Для А. Блока данная ситуация сопряжена с особым драматизмом: поэт осознает несовпадение идеи символизма как своего рода конфессионального объединения с перспективой всеединства с реальными практиками. Редуцированы в опыте А. А. Блока оказываются и соборные возможности мистически ориентированного «соловьевского братства». Исключение составляют два варианта «мистического сектантства» –

формы родовой сопричастности (А. Блок) и брака (М. Врубель и А. Блок).

Таким образом, при всем различии социокультурной ситуации и персонального опыта, в духовно-нравственном и эстетическом плане К. Павлова, М. Врубель и А. Блок отдают предпочтение взаимности и индивидуальному опыту перед различными формами коллективизма. Это обстоятельство не означает для Врубеля или Блока отказа от поиска утраченной цельности, но вектор социально-духовных запросов художников оказывается направлен не по горизонтали коллективной социализации, а по вертикали мистического слияния с божественным началом (Мировой Душой или Бездной). В художественной же рефлексии К. Павловой социальная драма творца компенсируется его даром синкретичного слияния со вселенной. Онтологическое измерение органичной для К. Павловой, А. Блока, М. Врубеля пограничности индивидуального и коллективного оказывается в их культурном опыте доминантным.

Библиографический список

1. Александр Блок в воспоминаниях современников [Текст] : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1980. – Т. 1. – 552 с. ; Т. 2. – 527 с. – С. 5.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. РУДН / ред. В. В. Ванчугов. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/berdyayev_nikolay_aleksandrovich/samopoznanie/read, свободный. Проверено 12.08.2017. 55
3. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-е, 1980–1983. – Т. 1. – Л., 1980. – 512 с.; Т. 2. – Л., 1980. – 472 с.; Т. 3. – Л., 1981. – 440 с.; Т. 4. – Л., 1982. – 464 с.; Т. 5. – Л., 1982. – 408 с.; Т. 6. – Л., 1983–424 с. 70
4. Врубель, М. А. Переписка. Воспоминания о художнике [Текст] / М. А. Врубель. – М.-Л. : Искусство, 1963. – 364 с. – С. 97.
5. Павлова, К. К. Стихотворения [Электронный ресурс] / К. К. Павлова // Стихия. – Режим доступа: <http://www.russianforever.com/stixiya/authors/pavlova/all.html#kak-serdca-vashemu>, свободный. Проверено 15.08.2017.
6. Сарабьянов, Д. В. Россия и Запад. Историко-художественные связи. XVIII – начало XX века [Текст] / Д. В. Сарабьянов. – М. : Искусство – XXI век, 2003. – 296 с. – С. 314.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aleksandr Blok v vospominaniyah sovremennikov [Tekst] : v 2 t. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1980. – T. 1. – 552 s. ; T. 2. – 527 s. – S. 5.
2. Berdjaev, N. A. Samopoznanie [Elektronnyj resurs] / N. A. Berdjaev. RUDN / red. V. V. Vanchugov. – Rezhim dostupa: http://modernlib.ru/books/berdyayev_nikolay_aleksandrovich/samopoznanie/read, svobodnyj. Provereno 12.08.2017. 55
3. Blok, A. A. Sochinenija [Tekst] : v 6 t. / A. A. Blok. – L. : Hudozh. lit. Leningr. otd-e, 1980–1983. – T. 1. – L., 1980. – 512 s.; T. 2. – L., 1980. – 472 s.; T. 3. – L., 1981. – 440 s.; T. 4. – L., 1982. – 464 s.; T. 5. – L., 1982. – 408 s.; T. 6. – L., 1983–424 s. 70
4. Vrubeľ, M. A. Perepiska. Vospominaniya o hudozhnike [Tekst] / M. A. Vrubeľ. – M.-L. : Iskusstvo, 1963. – 364 s. – S. 97.
5. Pavlova, K. K. Stihotvorenija [Elektronnyj resurs] / K. K. Pavlova // Stihija. – Rezhim dostupa: <http://www.russianforever.com/stixiya/authors/pavlova/all.html#kak-serdca-vashemu>, svobodnyj. Provereno 15.08.2017.
6. Sarab'janov, D. V. Rossija i Zapad. Istoriko-hudozhestvennye svjazi. XVIII – nachalo HH veka [Tekst] / D. V. Sarab'janov. – M. : Iskusstvo – XXI vek, 2003. – 296 s. – S. 314.

Reference List

1. Alexander Blok in contemporaries' memoirs: in 2 v. – M. : Khudozhestvennaya literatura, 1980. – V. 1. – 552 p.; T. 2. – 527 p. – P. 5.
2. Berdyayev N. A. Self-knowledge [An electronic resource]. RUDN / edition V. V. Vanchugov. – Access mode: http://modernlib.ru/books/berdyayev_nikolay_aleksandrovich/samopoznanie/read, free. It is checked 12.08.2017. 55
3. Blok A. A. Compositions: in 6 v. / A. A. Blok. – L. : Khudozhestvennaya literature, Leningrad office, 1980–1983. – V. 1. – L., 1980. – 512 pages; V. 2. – L., 1980. – 472 pages; V. 3. – L., 1981. – 440 pages; V. 4. – L., 1982. – 464 pages; V. 5. – L., 1982. – 408 pages; V. 6. – L., 1983–424 p. 70
4. Vrubeľ M. A. Correspondence. Memories of the artist. – M.-L. : Iskusstvo, 1963. – 364 p. – P. 97.
5. Pavlova K. K. Poems [An electronic resource] // Elements. – Access mode: <http://www.russianforever.com/stixiya/authors/pavlova/all.html#kak-serdca-vashemu>, free. It is checked 15.08.2017.
6. Sarabyanov D. V. Russia and West. Historical and art contacts. XVIII – the beginning of the XX century. – M. : Iskusstvo – the 21st century, 2003. – 296 p. – P. 314.